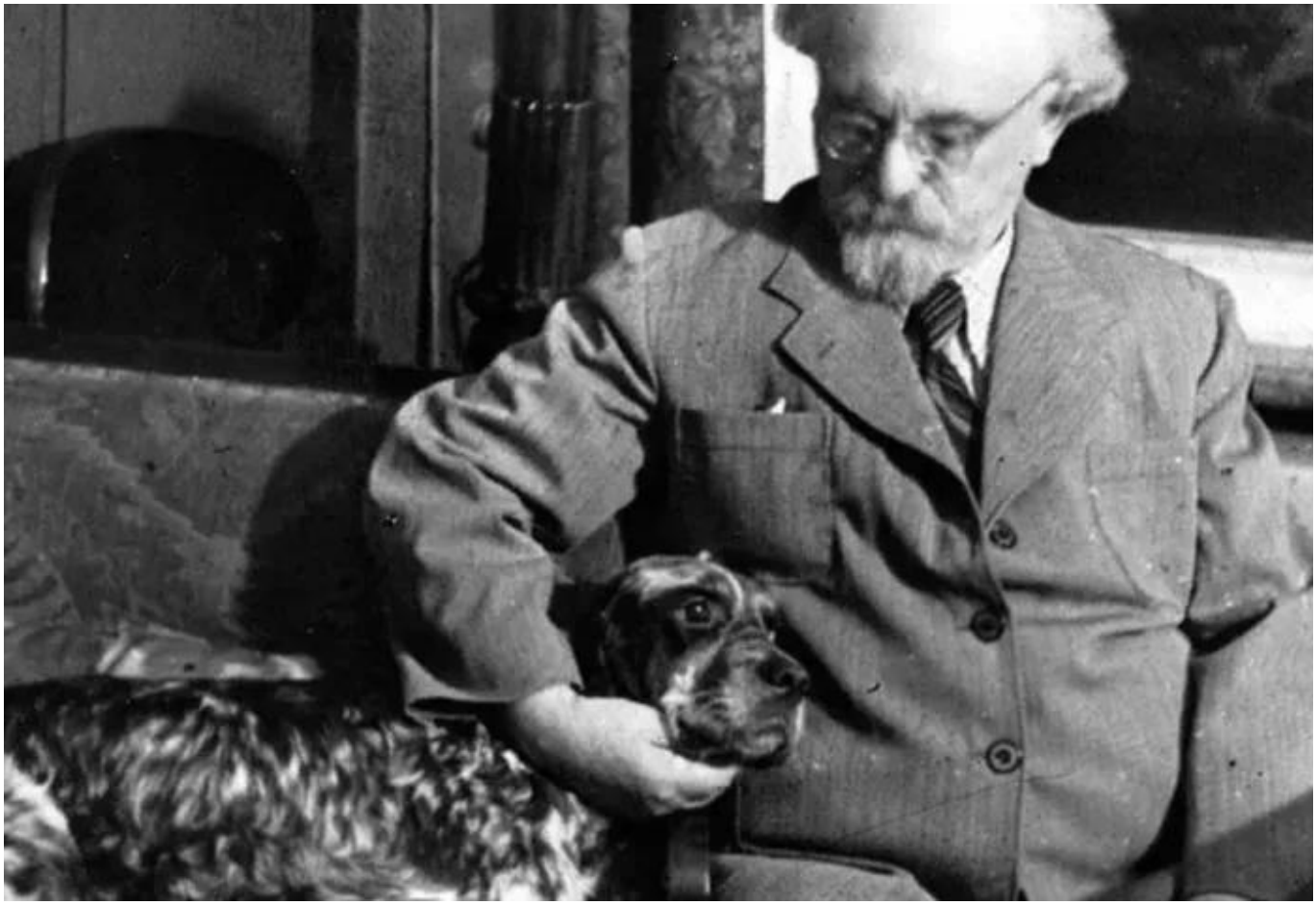
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Михаил Пришвин, забытый и прекрасный

29.12.2022.

Михаил Пришвин с одним из своих питомцев (DR)

Признавайтесь, кто из вас после окончания школы перечитывал Пришвина, этого последнего сына Серебряного века? Мы так и думали, да и сами к нему не возвращались, так и связав его навсегда с «Кладовой солнца», «Норкой и Жулькой» и прочими зайчиками, белочками и ежиками. Конечно, Михаил Михайлович Пришвин (1873-1954) – великолепный «певец природы», любовь и интимное знание и понимание которой отчасти можно объяснить влиянием отца, в остальном не служившим примером для подражания: он разводил орловских рысаков, занимался садоводством и цветами, был страстным охотником… Увы, проигравшись в карты, в погашение долга продал конный завод и заложил имение, а затем и умер, разбитый параличом, когда Мише, младшему из пятерых детей, было семь лет. Дети легко прощают: повзрослевший Михаил не мог не понимать, чего стоило его матери, оставшейся с пятью детьми и с имением, заложенным по двойной закладной, не

только выкрутиться, но и дать всем достойное образование, однако в романе «Кащеева цель» он без всякой обиды рассказывал, как здоровой рукой отец нарисовал ему «голубых бобров» – символ недостижимой мечты.

В детстве ничто не предвещало Михаилу славного будущего. В 1882 году его отдали учиться в начальную деревенскую школу в его родном Хрущёво-Лёвшино, в Соловьевской волости, Елецком уезде Орловской губернии Российской империи. Через год он был принят в первый класс Елецкой классической гимназии, где за 6 лет учёбы дошёл только до четвёртого класса: «Безнадежный случай», - такая запись сохранилась в его школьном дневнике за 1884 год. Однако отчислили будущего известного писателя, да еще с «волчьим билетом», не за неуспеваемость, а за плохое поведение: нахамил Михаил учителю географии, да не простому, а Василию Розанову, будущему русскому религиозному философу, литературному критику, публицисту и писателю. Однако потом он закончил Тюменское Александровское реальное училище, сдал в Елабуге экстерном экзамены за полный курс классической гимназии, после чего поступил на химико-агрономическое отделение химического факультета Рижского политехникума… Сидел в тюрьме за участие в марксистском кружке, слушал лекции в Йенском университете в Германии, занимался в лаборатории физико-химика и философа В. Д. Оствальда, будущего Нобелевского лауреата.

Получив диплом инженера-землеустроителя, вернулся на родину. Начал публиковаться в газетах, стал корреспондентом «Русских ведомостей», во время Первой мировой войны был военным корреспондентом, состоял в Санкт-Петербургском религиозно-философском обществе… И очень много путешествовал, из каждой поездки возвращаясь с новым готовым литературным произведением. В 1920-х годах РАПП подвергал суровой критике творчество Пришвина, настолько, что тот подумывал о том, чтобы прекратить занятия литературой и вернуться к работе агронома. К счастью, не успел привести план в исполнение, а РАПП в 1932 году благополучно распустили.

Ни одно из крупных произведений писателя, над которыми он работал в 1940-е годы, не было опубликовано при его жизни в значительной степени по цензурным соображениям. «Зато» посмертно вышло шеститомное собрание сочинений, два последних тома которого целиком заняты именно неопубликованными при жизни произведениями.

Сборник произведений Пришвина, объединенных под общим названием «Черный араб», увидел свет в рамках посвященной памяти издателя Владимира Димитриевича серии книг «Библиотека Димитрия» – Наша Газета уже рассказывала об этом замечательном проекте. Тонко, с большим знанием творчества Пришвина сделанная подборка дает читателям отличное представление о Пришвине, как писателе-путешественнике, писателе-натуралисте и писателе-критике своего времени, а предисловие блестящего переводчика Ива Готье и выдержки из дневников (на удивление удачно «перекликающихся» с прозой, спасибо сотруднице ГМИРЛИ Яне Гришиной!) знакомят с человеком со сложной, «зигзагообразной» и, в общем, несчастной судьбой – за исключением последних 14 лет, прожитых в любви с Валерией Лиорко, в один прекрасный для Пришвина день пришедшей к нему на работу в качестве литературного секретаря.

Огромному большинству русского народа нет никакого дела до власти и до того, с кем он воюет.Первый сборник дореволюционных очерков во главе с повестью «Черный араб», написанной в 1910 году, вышел в московском издательстве «Круг» в 1923-м и увлек современников автора в путешествие в экзотический тогда (да и сейчас!) для русского читателя мир киргизской степи и жизни кочевников, мир патриархальный, живо реагирующий на каждую новость, на появление каждого нового человека. Разумеется, у каждого читателя текст вызывет свои ассоциации, но мы готовы поспорить, что любой, выросший в СССР, прочитав «К полудню солнце в степи белеет», сразу вспомнит киношедевр Владимира Мотыля с блистательным Спартаком Мишулиным. Великолепное, глубоко поэтичное, наполненное отсылками к Библии описание природы вперемежку с преданиями, которые порой неотделимы от реальности, оставляет место и для рассказа о нравах населяющих степь людей: «Лошади отдохнут, всадники поболтают, понюхают табаку и разъедутся» – каким покоем веет от этой простой фразы!

Совершенно великолепная повесть «Жень-шень» (или «Корень жизни») появилась в 1933 году, после путешествия Пришвина на Дальний Восток. В 1937-м автор говорил, что это – единственное произведение, которое он писал свободно. Признаться, учитывая нынешние события, оторопь берет от самых первых строк: «Звери третичной эпохи земли не изменили своей родине, когда она оледенела, и если бы сразу, то какой бы это ужас был тигру увидеть свой след на снегу! Так остались на своей родине и страшные тигры, и одно из самых прекрасных в мире, самых нежных и грациозных существ – пятнистый олень, и растения удивительные: древовидный папоротник, аралия и знаменитый корень жизни Женьшень. Как не задуматься о силе человека на земле, если даже оледенение субтропической зоны не могло выгнать зверей, но от грохота человеческих пушек в 1904 году в Маньчжурии они бежали, и, говорят, тигров встречали после далеко на севере, в якутской тайге. Вот и я тоже, как звери, не выдержал. Как гудел роковой снаряд, подлетая к нашему окопу, я слышал и отчетливо помню и посейчас, а после – ничего. Так вот люди иногда умирают: ничего!»

Переводчик Ив Готье пишет в предисловии к новому изданию, что «"Жень-шень" – это возвеличенная тайга, героизированная и эротизированная. <> Читая повесть, лучше понимаешь, почему автор напишет: «Мне не надо ходить в церковь, божественная природа дает мне все». <> Экологическая сказка, полный диссонанс канонам «социалистического реализма», насаждаемого в ту эпоху».

Философские рассуждения не отвлекали Пришвина от наблюдений за столь близкой его сердцу природой, блистательными описаниями которой полон текст. Вот лишь один пример, одна фраза: «Голодная волчья заря узким медным перстнем полукружила небо». Какой невероятный образ, настоящие стихи в прозе!

*И что есть Россия? На одном конце солнце всходит, на другом заходит, и на таком большом пространстве все говорят, что мало земли и люди разуты-раздеты; есть ли на свете страна дуравей России?*Но самым большим потрясением стала для нас повесть «Мирская чаша», написанная в 1922 году и являющая собой не только изумительное художественное произведение, но и уникальный исторический документ, события которого разворачиваются в Музее усадебного быта в бывшем имении купца Барышникова. Читая ее и делая пометки, мы даже порадовались, что в студенческие годы она ускользнула от нашего внимания: за отсутствием жизненного опыта и приобретенных с тех пор знаний, мы бы просто ее не поняли. Зато сейчас с содроганием читаем текст ровно столетней давности, представляющий равный

интерес для Греты Тунберг и всех, кто задумывается о судьбе России: «Я думаю, что мы покорили безумие животных и сделали их домашними, или безвредными, не замечая того, что безумная воля их переходила в человека, сохранялась, копилась в нем до времени, и вот отчего все бросились истреблять леса, - это не люди, это зверь безумный освободился. Или это не так? Но верно, что Россия была как пустыня с оазисами; срубили оазисы, источники иссякли, и пустыня стала непроходимой. Россия… Или это лишь чувство прошлого? Но какое же у нас прошлое – народ русский в быту своем неизменный; история власти над русским народом и войн? Огромному большинству русского народа нет никакого дела до власти и до того, с кем он воюет; история страдания сознательной личности, или это есть история России? Да, это есть, но когда же кончится наконец такая ужасная история, и сам Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу <> Родина…»

И далее:

« - Дуравей России есть ли страна? – спросил Крыскин.

- Едва ли! – ответил Алпатов.

- И что есть Россия? На одном конце солнце всходит, на другом заходит, и на таком большом пространстве все говорят, что мало земли и люди разуты-раздеты; есть ли на свете страна дуравей России?»

Но не стоит спешить записывать Пришвина в русофобы, как сейчас водится. В дневнике за 1909 год он записал, 16 октября: «Россия! Родина, дорогая, дорогая моя. Никогда я не... Тут только, на фиолетовых берегах соленого озера, понял я, что люблю тебя, что ты прекрасна...» Как совмещаются в сознании человека критический взгляд на свою страну и безусловная любовь к ней? Вот так и совмещаются.

Вообще, дневники Михаила Пришвина, которые он втайне вел с 1905 по 1954 годы и которые были опубликованы лишь после его смерти, – отдельное открытие, заслуживающее самого внимательного изучения. В сборник включены фрагменты из тетрадей за 1909, 1920-1922 и 1930-1931 годы, но у русскоязычного читателя есть счастливая возможность прочитать их полностью. Приведем лишь небольшой отрывок из дневника за 1909 год, который Михаил Пришвин вел в киргизской степи: «13 октября. Было когда-то время, о котором мы теперь с такой болью вспоминаем и называем его золотым веком… Люди жили в раю… Но ведь это никогда не было… Это только воспоминания. И большая низкая звезда – это только воспоминания… <> И все народы, все люди думают, что такое звезды. Все хотят понять их, приблизиться к ним. Но это невозможно…» И, словно в продолжение мысли, запись от 29 декабря: «Если бы когда-нибудь звезды спустились с неба на землю, как скучно бы нам стало, как тяжело…»

Читайте Пришвина, друзья, читайте и дарите его книги – делитесь красотой.

русская литература в Швейцарии
русская литература во французских переводах

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/mikhail-prishvin-zabytyy-i-prekrasnyy*